

А. Д. Карнышев
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И СОБОРНОСТИ У СТАРООБРЯДЦЕВ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (к 250-летию переселения «семейских» в Забайкалье)

Аннотация. Актуальность и значимость историко-экономических исследований особенно возрастает, когда политические и иные обстоятельства приводят к определенным аналогиям в развитии общественных и хозяйственных ситуаций и одновременно требуют опоры на ресурсы субъектов (участников) прошлых событий. С позиции сегодняшнего (и не только) дня на старообрядцев — «семейских» можно и нужно смотреть не как на носителей в чем-то забытых традиций, но, прежде всего, как на обладателей таких качеств, которые востребованы в рыночной экономике, в осуществлении социальных реформ, в восстановлении самобытных форм хозяйствования и производства традиционной продукции. В основе позитивных качеств лежит психогенетический фонд и этнокультурные традиции, которые староверы вынесли из древнерусского бытия. В старообрядческой среде особенно ярко проявились русские традиции «помочей», т.е. коллективного труда, вдохновенного не утилитарно-экономическими, а нравственными и религиозными целями. Восстановить ряд значимых качеств и традиций «семейских» — актуальная задача ближайшего времени.

Ключевые слова. Собственность, соборность, земство, община, коллективная психология, предпринимательство, сельскохозяйственное производство.

Финансирование. Проект РГНФ № 15-06-10673
«Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи Азиатской России».

A. D. Karnyshev
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation

**THE OLD BELIEVERS' PROPERTY
AND COLLEGIALLY RELATIONSHIPS:
HISTORICAL-ECONOMIC
AND ETHNO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS
(to the 250th anniversary of resettlement
of «semeyskikh» to Transbaikalia)**

Abstract. The relevance and importance of historical-economic researches especially increases when political and other circumstances lead to certain analogies in the development of social and economic situations simultaneously relying on resources of actors (participants) of past events. From today's perspective (and not only) on the Old Believers – «semeyskikh» we can and should look on them not as of carriers of in some forgotten traditions but above all as on the holders of such qualities that are in demand in a market economy, in the implementation of social reforms, in the restoration of original forms of management and traditional products manufacturing. On the basis of positive qualities lies psychogenetic fund and ethno-cultural traditions that Old Believers learned from the ancient Russian life. Russian tradition of «pomoch» is especially evident in the Old Believers environment. «Pomoch» means a collective work inspired not by utilitarian, economic but by moral and religious purposes. Recovery of a number of significant qualities and traditions of «semeyskikh» is an urgent task of the nearest future.

Keywords. property, collegiality («sobornost»), zemstvo, community, collective psychology, entrepreneurship, agricultural production.

Актуальность и значимость историко-экономических исследований особенно возрастает, когда политические и иные обстоятельства приводят к определенным аналогиям в развитии общественных и хозяйственных ситуаций и одновременно требуют опоры на ресурсы субъектов (участников) прошлых событий. На наш взгляд, данный подход сегодня важен в отношении старообрядчества Забайкалья и Приамурья. Здесь полезно вспомнить два факта из их сибирской истории. Факт первый: во второй половине XVIII в. старообрядцы – «семейские» стали пионерами освоения новых земель на территории современной Бурятии. Как писал поэт, они обеспечили сбор обильных урожаев хлеба с «прежде бесплодной земли» и создали устойчивую социально-экономическую инфраструктуру в местах проживания. Факт второй: примерно через столетие, в середине и во второй трети XIX в. Дальний Восток и Приамурье, практически пустовавшие до этого времени, были заселены русскими переселенцами в значительном количестве. И что самое интересное, немалую часть прибывших в Приамурье и юго-восточные районы страны новоселов составили семьи старообрядцев, жившие до этого в локальных местах Восточной Сибири и Забайкалья. Они вновь, как в середине XVIII в., стали пионерами освоения новых земель, причем и здесь в течение нескольких десятков лет они вновь оправдали известные некрасовские слова, сказанные в их отношении:

«Воля и труд человека
Дивные дивы творят».

Данный опыт старообрядцев востребован в XXI в. в связи с рядом обстоятельств. Правительство России в последнее время предпринимает всевозможные меры с тем, чтобы обеспечить переселение в Сибирь и на Дальний Восток жителей западных районов страны. В ход идут обещания наделения землей, выделение средств на строительство жилья, обеспечение субси-

дий на расходы при переездах и т.п. К сожалению, данные инициативы идут с трудом. И дело прежде всего в том, что непопулярные действия в аграрной, социальной и демографической сфере того же правительства РФ вынудили немалое число коренных жителей азиатских регионов России покинуть обжитые места и перебраться в центральные области страны. Такие миграции коснулись не менее 4-х млн жителей. Восполнить подобный дефицит в короткое время невозможно, поэтому идет поиск других ресурсов. Так, правительство Забайкальского края сообщило о намерении передать в аренду на 49 лет 150 тыс. га земель в южных районах региона китайским аграриям. Данный шаг вызвал отторжение и негодование у многих россиян. Но прецедент есть в дальневосточном регионе: в Еврейской автономной области 80 % пахотных земель, т.е. 300 тыс. га отдано в аренду гражданам КНР. К негативным миграционным и аграрным реалиям можно добавить аргумент о необходимости в условиях экономических санкций всемерно обеспечивать рост объема отечественной сельскохозяйственной продукции.

Перечисленные доводы показывают, что в современной ситуации опыт старообрядчества может оказать определенную помощь в решении проблем миграции и обработки опустевших азиатско-российских земель. На наш взгляд, если внимательно подойти к старообрядческой и древнерусской практике, она и сегодня может оказаться весьма и весьма востребованной. Нужно обращение к тем социально-экономическим и этнопсихологическим ресурсам, которые выступали, выступают и будут выступать стимулом хозяйственного, нравственного и психологического развития современных людей, их активизации в решении стоящих проблем [7; 8].

Историко-экономический экскурс в сущность психологии старообрядчества целесообразно начать

с понятий *соборность* и *земства*, анализ сути которых достаточно сложен. Но такой анализ необходим, поскольку в среде старообрядцев они выводят не только на религиозные атрибуты, но и на светские явления коллективного характера. И для истории, и для экономической психологии очень важно увидеть взаимосвязь категории соборность и земства с некоторыми другими. Дело в том, что в ряде словарей (М. Фасмер, Н. Шанский) слово собор трактуют как кальку от греческого слова синагога, а последнее в иностранных словарях означало молитвенный дом или общину верующих иудеев. Но в сути своей и синагога, и собор выражали «созыв», «сбор» в одно место нескольких лиц ради определенной церемонии практического ритуала. Поскольку в русском языке «соб» в какой-то мере означало личность, то собор вполне можно трактовать как собрание личностей. Такому объяснению слова находятся исторические подтверждения. Для этого обратимся к известному в России понятию «земские соборы», возникшему задолго до раскола и несомненно известному старообрядцам. При анализе рассмотрим содержание каждого из его составляющих слов. Во-первых, термин «земцы» или «своеземцы» впервые появился в Новгородской Руси и обозначал он класс крестьян–собственников, которых более не встречалось на пространстве княжеской Руси: там крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях. Аграрная политика земцев отличалась некоторыми особенностями и своеобразными чертами:

- они редко владели землей или приобретали ее в одиночку;
- они по своим владениям располагались «гнездами», создавали земледельческие товарищества;
- в основе этих товариществ были родство или договор;
- многие обрабатывали землю совместно;

- они владели землей на правах полной собственности и поэтому могли: менять и продавать ее, выкупать землю у родичей, отдавать в приданое за дочерьми;
- даже женщины, вдовы и сестры являлись владельцами и совладелицами таких земель, что в то время было редкостью [9, с. 77-78].

Таким образом, изначально и понятие «земский» было связано с собственностью. Впоследствии земством в широком смысле слова стали называть совокупность всех постоянных жителей известной территории, в более узком смысле – собрание выборных от этих жителей для управления местными делами. Несомненно, что «будущие раскольники», как пассивная часть русских людей, проходили соответствующую науку (тем более, если вспомнить, что большинство сосланных в Сибирь старообрядцев были грамотными). Земские же соборы, действовавшие в XVI-XVII вв., были в Московском государстве чрезвычайными представительными собраниями «всякого чина людей». Принципиальным было то, что по своему характеру земские соборы, или как их еще называли «великие земские думы» напоминали древнерусские вече. Историк Н. И. Костомаров проводил параллель между этими двумя институтами, видя в соборе расширенное вече уже не местного, локального, а государственного уровня.

Данный исторический экскурс дает право провести двойной анализ слова соборность. С одной стороны, это принцип сообщества людей, выражающийся в практике размышлять и действовать общими силами, согласием и сопониманием. В свое время суть такого принципа рьяно проповедовал К. С. Аксаков. Он выступил против родовой теории организации общества и в защиту общинной, поскольку в роде господствует родоначальник, а русские племена управлялись собраниями, в которых вождь был лишь председателем. Писатель считал, что сельский сход, вече и земский со-

бор – это формы управления общинными организациями. Согласно и подобной позицией, мыслитель из Сибири А. П. Шапов на основе земств выдвигал принцип «народосоветия». Он писал: «Как практический дух народа, на основании земского устройства областных общин, на основании многовекового опыта жизненной исторической практики, сам собой создал принцип земского народосоветия и выразил его в формах областных земских советов и московских земских соборов, – так этот же практический смысл народа заключал в себе природную способность к земскому народосоветию» [15, с. 172].

Другая сторона может быть представлена иными реалиями. Исходя из приведенных фактов происхождения земств, как товариществ собственников, в психолого-экономическом плане слово «соборность» можно рассматривать в качестве совместного владения собственностью. В данном контексте оно выступало основой любого сообщества: и религиозные, и любые другие общины не могли долговременно существовать, а тем более развиваться, не обеспечивая себя экономическими ресурсами.

Соборность русских людей и в местном, и в государственном вариантах изначально была способом решения не только политических, но и экономических вопросов. Например, на земском соборе 1642 г. в Москве его представители требовали:

- справедливого равенства в раскладке земских податей и повинностей;
- писцовой поземельной системы государственных поборов;
- экономической отчетливости в распоряжении народными доходами для нужд государства;
- советовали устроить земский, народный контроль над казенными сборами, контроль земских людей добрых, выборных изо всех чинов человека по два и по три;

– требовали, «чтоб и неслуживые с неслуживыми в равенстве были, никто-б в избылтых не был».

Скорее всего, опирающиеся на подобные требования старообрядцы на опыте познали, как вредно в деле свободной народной организации сельских работ вмешательство, опека и контроль приказного начальства, — и потому так решительно протестовали против официального управления, против уничтожения старинных обычаев самоуправления. Во всем этом чувствовалось нравственно-психологическое здоровье и вековое коллективное единение в решении проблем совместной жизни.

«Согласие», совместимость понятий собственности, соборность и власть в сознании русского человека более поздних периодов можно проиллюстрировать интересным примером. В нем *моя* собственность на землю сливается с *нашей*, и обе они проистекают из естественности существования человека. А. И. Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские» отмечал наличие в сознании русских мужиков уверенности в существовании *права каждого работника на даровую землю*. «Крестьянин на нем стоит, он его мерит десятинами, и для него его право на землю — естественное последствие *рождения и работы*. Оно так же несомненно в народном сознании, так же логически и вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на *воздух*, приобретаемое дыханием, вслед за отделением от матери» [5, с. 461]. Если эту мысль проиллюстрировать положением прибывших в Сибирь в половине XVIII в. старообрядцев-семейских, то они естественно считали своей ту землю, которую начали возделывать в здешних краях. Для старообрядцев Забайкалья вопрос собственности — это, прежде всего, вопрос о земле. О том, какое значение для семейского имеет земля, свидетельствует мудрая крестьянская заповедь, записанная известным фольклористом Л. Е. Элиасовым: «Земле мы кланяемся, земле хвалу

поем, землю слезами мочим, земля нам поддержка во всем, только она держит, только она нас кормит, детей наших растит. От земли мы идем, к земле придем. Ты одна наша надежда во всей жизни» [2, с. 106]. В данной исповеди семейского крестьянина земля является функцией труда, духовным проявлением, а не только капиталом.

В формировании отношения к собственности в старообрядчестве огромную роль сыграла община. По примеру инновационных групп соотечественников экономическую базу старообрядческих общин составляло как общинное, так и частое хозяйство предпринимателей старообрядцев. Причем, капиталы купцов-староверов составляли большую часть собственности общин. Предприниматели староверы были уверены, что не являются полными и безраздельными собственниками. Они считали себя лишь «Божьими доверенными по управлению собственности, данной им Господом». Таким образом, община для старовера как бы представляла собой нечто вроде посредника между верой и человеком. И отдавать собственность общине означало укреплять истинную веру.

В старообрядческих общинах на основе житейской необходимости складывались следующие формы саморегулирования совместной жизнедеятельности. Во-первых, осуществлялась дифференцированная раскладка всякого рода податей, которую производили сами общинники с учетом средств и силы плательщиков. Во-вторых, многие жизненно необходимые решения принимались вне всякого административного вмешательства и были в целом максимально эффективны.

Что касается распределения общих доходов общины и раскладки повинностей и денежных сборов, то старообрядческая община дает интересный пример системы социальной помощи и справедливого распределения. Например, деньги от пойманного зверя

в старообрядческом поселении в Маньчжурии делили между семьями поровну, подарки от посетителей также не попадали в руки к кому-либо в исключительное владение [12, с. 217]. В семейских общинах на Амуре была установлена справедливая раскладка взносов хлеба по семействам. В среднем каждый хозяин должен был вносить до 40 пудов каждый год, причем богатые вносили больше, бедные меньше. Кроме того, бедным разрешалось пользоваться платою за доставку хлеба в Читу [3, с. 78]. Подобная система распределения сборов и социальные гарантии, безусловно, способствовали развитию предпринимательства, готовности идти на риск, давали гарантии социальной защищенности.

Слова «община» и «собор» у некоторых изолированных групп старообрядцев до сих пор близки и «пропитаны» определенной дозой религиозности. Так, в локальных группах, проживающих в верховьях Малого Енисея в условиях инационального и иноконфессионального окружения, слово «соборные» представляет элиту старообрядческих поселений. Эта элита отличается прежде всего «чистой верой» и «чистым бытием». Желających вступить в «собор» «ставят на правило», что означает необходимость долгих и скрупулезных молитв. Принадлежность к «соборной братии» рассматривается в изолированных общинах как необходимое условие спасения на том свете» [11, с. 55–56]. Сегодня же многие видят в древнем понятии «собор» больше его религиозную составляющую, хотя такой подход, как показано, существовал далеко не всегда.

После работ М. Вебера, раскрывших прямое и косвенное влияние религии на экономическую жизнедеятельность многих народов, схожий сравнительный анализ осуществили ученые и в отношении конкретных этноконфессиональных групп. Признавая некоторую схожесть в отношении к труду, собственности и другим экономическим реалиям, заложенным, например, как в протестантской, так и в старообрядче-

ской этике труда, исследователи выделяют несколько нюансов, которые их отличают. Р. Андерсон и П. Шихирев среди характерных черт протестантской этики труда выделяют умеренность в личном потреблении и аскетизм. В старообрядческой этике хозяйствования также отмечается бережливость и экономия. Однако, если протестанты-предприниматели наживают богатство для себя, т.к. убеждены, что пользу обществу может приносить лишь состоятельный человек, и чем больше количество состоятельных людей, тем сильнее общество. У купцов-старообрядцев на первом месте — общественное благо, забота о пользе всему народу, проявление милосердия, пожертвование для других [1, с. 59].

Купцы из старообрядцев про богатство говорили, что «Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета». Материальные блага, согласно старообрядческой этике хозяйствования, предназначаются для того, чтобы откладывать и выгодно преумножать их. Достижение же успеха в земной жизни рассматривается как благословение Божие. Богатство также служит доказательством твердости веры, поскольку именно размер богатства оказывается индикатором силы веры и приближенности к спасению того или иного человека, его истинного противостояния миру антихриста. Староверам, не имевшим возможности получить официальную власть и преследуемым официальной никонианской церковью, богатство давало экономическую самостоятельность, некоторое превосходство над притеснителями. Отсюда и высокая оценка людей, наживших капиталы: признак их работоспособности, предприимчивости и бережливости. И, наконец, богатство для старовера — неотъемлемый атрибут трудолюбия и расчетливости, которые составляют основу старообрядческой этики хозяйствования и высоко ценятся в старообрядческой среде. Ярким подтверждением таких подходов были

конкретные личности, которые отличались не только своей активностью в торговле и предпринимательстве, но и своей открытостью к людям, своей благотворительностью. Среди них было много известных людей. В центральной России к ним относились известные предпринимательские семьи: Морозовы, Прохоровы, Гучковы, Рябушинские, Хлудовы, Коноваловы и др., которые своими меценатством и «спонсорством» были известны далеко за пределами России.

Кстати, один из представителей знаменитой старообрядческой купеческой династии В. П. Рябушинский, подчеркивал, что у староверов ценились прежде всего люди дела: «более всего уважалось занятие промышленностью: фабриканты и заводчики стояли на первом месте; за ними шли купцы, а к лицам, занимавшимся коммерческим учетом, даже без всякого оттенка ростовщичества и из самых дешевых процентов, отношение было неискренне: в глаза уважали, а за глаза пренебрежительно говорили «процентщики» [10, с. 195].

Приступая к «осовремениванию» исторических аспектов старообрядческой общины, подискутируем с позицией А. О. Бороноева и П. И. Смирнова по поводу недостатков русской общины вообще, не позволяющих сформировать рыночный менталитет. Вот суть их мнения. «Во-первых, строгое проведение принципа справедливости по отношению к земле (предоставление всем общинникам равных участков одинакового качества) вело к ужасающей раздробленности отдельного надела. ...Хозяйство как модус обретения социальной значимости, было недоступно большинству крестьян на законных и нравственно оправданных в общине основаниях. Хозяйство было всего лишь средством прокормиться. Во-вторых, нерациональное ведение хозяйства делало невозможным приобретение Богатства честным трудом. Как известно по народному представлению «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Да и вообще *Богатство в русской деревне считалось ско-*

рее отрицательной ценностью, о чем свидетельствует фольклор, где богачи, как правило, изображаются отрицательными персонажами... В-третьих, крестьянину в общине было недоступно мастерство в ведении хозяйства. Отчасти по уже упоминавшейся невозможности рационализировать его в условиях общины. Отчасти же потому, что большинство основных полевых работ крестьянин проводил не по своей воле и охоте, не по своему «разумению», а по решению общины и одновременно со всеми [4, с. 297–298] (курсив наш. — А. К.).

Как показал анализ многих работ по старообрядческой общине, а также наши исследования, старообрядцам удалось или избежать большинства указанных недостатков, или нивелировать их в сторону эффективной предпринимательской психологии. Данное обстоятельство делает возможным использовать многие компоненты старообрядческой хозяйственно-экономической культуры в интересах современной рыночной экономики и для решения актуальных задач.

По замыслу нашей статьи историко-экономический анализ коренных аспектов старообрядчества целесообразно дополнять этнопсихологическим анализом. Сегодня наблюдается активный поиск психогенетических истоков во многих социальных феноменах, и сообщества старообрядцев здесь не исключение. Причем основную проблему составляет характер взаимодействия и взаимопроникнутости параметров человека и социума, в нашем случае — человека и этнической группы (как малой, так и большой).

Взаимосвязь этноса и личности, особенно в старообрядческих полу-изолированных и во многом закрытых группах можно выразить несколько перефразированными строчками В. Маяковского:

Личность и этнос — близнецы, братья.

Кто более матери истории ценен?

Мы говорим: этнос — подразумеваем личность,

Мы говорим: личность — подразумеваем этнос.

Отсюда вполне резонно искать позитивные характеристики всех реальных и высоко ценимых дел староверов не только в общине и отношениях в ней, но и в самом человеке. При этом важно найти глубинные истоки внутренних ресурсов старообрядчества, которые были и есть в фундаменте их национального характера. К таковым, на наш взгляд, по примеру уже проведенного историко-экономического анализа, можно отнести особенности отношения к земле и собственности. В струе данной мысли целесообразно рассмотреть несколько понятий, в которых так или иначе звучит древнерусская основа. Приведем эти слова и попытаемся проследить в них нечто формально общее и подойти к осознанию содержательной сути этого общего.

- особенность
- способ
- способности
- пособие (денежное)
- особняк
- собственность
- собственный

Формально бросается в глаза наличие общего корня «соб», смысл которого не сразу ясен. Но если подключить еще одно слово: «особа», то становится понятным, что родственность всего «букета» понятий обеспечивается смыслом, который весьма близок к современному термину «личность» – отдельное существо, лицо. Отсюда вытекает: *особенность* – индивидуальная характеристика человека; *способ* – то, каким образом исполнитель действует; *способность* – качество, обеспечивающее успешность человека в какой-либо деятельности, в хозяйственной, предпринимательской и иной практике; *особняк* – дом, принадлежащий конкретному индивиду с учетом его личностных пристрастий; *пособие* – материальная помощь нуждающемуся и т.д. Историко-этимологический анализ тезауруса рассматриваемых понятий также показывает их лич-

ностно-детерминированную связь. Так, М. Фасмер в своем словаре, анализируя истоки слова «*собственный*», отмечает, что оно производно от церковнославянского *собъство* — свойство, своеобразие, сущность. С данным словом связано *собити* — присваивать, приобретать и *собина* — собственность, имущество. У В. И. Даля слово *собственность* происходит от корня *собь*, что когда-то означало все свое: имущество, пожитки, богатство. Одновременно в психологическом плане очень важно подчеркнуть, что *собь* представлял свойства нравственные и духовные, личные качества человека. Об этом в словаре говорит понятие *собный* — к себе относящийся. В этимологическом «советском» словаре Н. Шанского слово *собственность* вообще не показано (!), а *собственный* этимологически поясняется как производное от «*собъство*» в значении особенность, лицо. Поясняется, что в корне *собь* лежит название существа. Кстати, в словаре С. И. Ожегова послереволюционного времени наблюдается определенная идеологическая дискредитация сути понятия: во втором значении *собственник* — это тот, кто стремится больше иметь, кто поглощен собственническими интересами. Естественно, такой человек в чем-то был антиподом коллективисту, равнодушному к частной собственности. Таким образом, приведенные трактовки вновь подтверждают, что слово «*собственность*» своими корнями нисходит к понятию личность как отдельного человека, существующего «в себе и для себя».

Таким образом, краткий экскурс в «динамику» развития древнерусского понятия *собственность* указывает на его психогенетическую подоплеку. Анализ демонстрирует специфическую основу личности в корне «*собь*», а *собственность* раскрывается как имущество, вещи, предметы, некоторые «плоды трудов и таланта», принадлежащие личности. Выступая как бы продолжением личности вовне, они дороги человеку, поскольку составляют наиболее значимую часть его внешнего и

внутреннего мира. И конечно же может существовать и обратное соотношение: влияние «мира собственности» на характеристики личности. По крайней мере, обладание значимой и (или) престижной собственностью способствует росту уверенности человека в себе, его решительности в определенных ситуациях. Конечно, положительная или отрицательная оценка связи отношения к собственности и общая оценка личности во многом зависит от идеологической направленности массового сознания: в советское время слово собственник было чуть ли не ругательным.

Несколько слов надо сказать в адрес слова «особа», которое в старину характеризовало прежде всего авторитетного, почтенного человека: важная особа, известная особа. И опять-таки в данном слове «звучат» индивидуалистические, личностные нотки, поскольку оно образовано на базе общеславянской предложно-падежной формы «о себе» — «для себя», а в древнерусском языке эта же форма означала «отдельно, сам собой». Интересно, что в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [14] формы «особе» и «в особь» поясняются как «отдельно».

Таким образом, «отдельная» личность, а чаще «отдельная» семья, как совокупность личностей, составляли ментальную первооснову собственности старообрядцев на землю, и такая практика лежала в фундаменте управления всеми земельными отношениями. В Сибири, где семейские жили изолированными группами, подобная практика приносила весомые результаты.

Своим упорством, работоспособностью и коллективными механизмами организации труда семейские смогли в XVIII и XIX вв. быстро преобразовать некогда пустынные места Забайкалья и Приамурья, превратив их в житницу для многих других сибирских районов. Побывав в их селах и увидев плоды их труда, декабрист А. Е. Розен написал: «почва родит славнейшую пшеницу, коей белизна муки не уступит крупча-

той муке московских калачей и французских булок, а кроме того находил я приятный вкус и запах пшеничный, который бывает в удачных свежих малороссийских поленицах. По богатству и довольству поселян мне представилось, что вижу трудолюбивых русских в Америке, а не в Сибири; но в этих местах Сибирь не хуже Америки, земля также привольная, плодородная; жители управляют сами собою, сами открыли сбыт своим произведениям и будут блаженствовать, пока люди бестолковые не станут вмешиваться в их дела, забывая, что устроенная община в продолжение века лучше всех посторонних понимает действительную выгоду свою» [13, с. 254–255]

Имея трепетное отношение к земле, семейские в первые годы Советской власти были благодарны ей за поддержку настоящего хозяина за предоставление ему свободы и инициативы. Но многие из них «отвернулись» от власти, когда она приступила к экономическому давлению на крестьян, принудительной коллективизации и раскулачиванию. Ведь ориентированный на традиционные ценности земельных отношений и «народосоветия» при организации совместного производства, зажиточный старообрядец весьма негативно относился к административным методам управления и различным продразверсткам. Именно в старообрядческих селах Бурятии больше всего проявлялись крестьянские восстания в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. Один из активных участников восстания Е. Т. Иванов (село Малый Куналей) так объяснял его причины на следствии (цитируется по неправленному протоколу допроса): «...в 1929 году со стороны властей к крестьянству были применены большие налоги о выполнении хлебозерном, что до этого не было и крестьянство не жаловалось, если и были отдельные налоги, то их выполняли и не роптали. А в этом году слишком прижимали крестьян, в особенности это имело место во время хлебозаготовок осенью 1929 года, когда наиболее креп-

кие хозяйства стали облагаться налогами настолько, насколько они намолотили вообще, а их принуждали вывезти или говорили, что в противном случае имущество будет распродано и будет взыскано в пятикратном размере... Среди населения стали ходить слухи и толки, что власть хочет от крестьянина забрать весь хлеб, разорить хозяйства и оставить голодом. Сразу же после хлебазаготовок властью стали проводиться меры к объединению крестьянских хозяйств в коллективы — колхозы и коммуны. Крестьянство снова стало роптать, т.к. они в эти колхозы идти не хотят, а хотят работать каждый сам по себе и вести свое хозяйство в отдельности... Видя все это, стали говорить, что власть поступает неправильно — сначала забрала хлеб, а теперь хочет загнать в колхозы и забрать все..., что наживалось веками и сделать крестьянина нищим, батраком... это только приведет к вражде и недовольству. Все будет разорено, уничтожено и тогда страна будет переживать еще больше недостатков и народ будет голодать. В 1929 г. это было применено и к моему хозяйству, которое было распродано в один день, что наживалось мною в течение сорока лет...» (цит. по: [6, с. 56–57]).

Многие люди в то время поняли, что не может быть настоящего хозяина без введения частной собственности на землю. Организаторами восстания в ряде семейских сел была сформулирована его конечная цель — установление на территории района, а в перспективе и республике, президентского правления, защищающего частную собственность и, в первую очередь, на землю и людей, обеспечивающих производство и реализации ее «плодов». Были выдвинуты политические лозунги выступления: «Свержение советской власти и установление власти крестьянской, которая не будет отбирать хлеб», «За свободную торговлю и частную собственность» [6, с. 59].

Рассмотренные примеры из истории и этнопсихологии семейских показывают, что вопрос о собственно-

сти на землю не утерял свою актуальность в истории России. При этом страсти касались не только экономических аспектов владения и пользования землей, но и проистекающих отсюда политических вопросов, а также нравственного отношения к земле. Эти аспекты дискусируются и сегодня. И, чтобы понять особенности отношения «современных старообрядцев» к земле, надо увидеть общие тенденции данных изменений в российском обществе. Ситуация усугубляется тем, что в годы советской власти при достаточной стабильности коллективных отношений произошли существенные метаморфозы в менталитете и навыках индивидуального собственника.

Стоит вспомнить, что даже в конце 90-х гг. XX в. и начале 2000-х в стране продолжались споры о целесообразности частной собственности на землю и недвижимость. Значительная часть населения, воспитанная в советское время, была против этого шага. В среде старообрядцев была несколько иная картина, хотя и в ней наблюдались противоречия. В проведенном нами исследовании в селе Тарбагатай Республики Бурятия в 2002 г. мы задавали респондентам вопрос о том, поддерживает ли население частную собственность на землю. Результаты опроса жителей ($N = 243$) отражены в табл. 1.

Таблица 1

Отношение жителей «семейского» села к стремлению людей иметь в частой собственности землю

Ответ респондента	Доля, %
Полностью и безусловно поддерживаю его	26
Поддерживаю его, но учитываю при этом, как эти земли распределяют	47
К стремлению людей владеть землей я равнодушен и так же отношусь к подобным стремлениям людей.	7
Не одобряю этого стремления, хотя, наверное, частная собственность на землю необходима	13
Категорически не одобряю	6
Другое	1

Полученные данные свидетельствуют о существенной поддержке старообрядцами уже в то время частной собственности на землю. При этом, большинство респондентов отмечали необходимость учитывать еще и то, как распределяются земли. Но все же многим еще не были ясны конкретные механизмы владения и пользования земельной собственностью.

Согласно табл. 1 можно заключить, что массовое сознание многих людей, «близких» к земле, не разрывало и не разрывает «чувство хозяина» с «правом собственности», хотя и в советское время, и сегодня реальность давала мало шансов на полноценную обработку земли индивидуальному «землеробу». В постсоветские годы к пониманию нужности и значимости частной собственности на землю приводило, на наш взгляд, еще одно обстоятельство: многие крестьяне-старообрядцы видели «массовое крушение» колхозов и совхозов, вызванное экономическими причинами, а также серьезные изменения в трудовой мотивации работников агропромышленного комплекса, вовлеченных в коллективные хозяйства. Исчезнувшая эффективность колхозов и совхозов побуждала искать иные формы организации агропроизводства. И здесь становились востребованными внутренние ресурсы старообрядческого населения, ориентированного прежде всего на работу в сельском хозяйстве. Речь не только и не столько о мотивации сельских тружеников, сколько о реальных возможностях вести конкретные дела.

В старообрядческой среде во веки веков господствовали не столько «благие порывы», сколько ресурсы практической деятельности — земледельческие и экономические *способности и навыки*, определяющие конкретные способы ведения хозяйства. Насколько эти способности и навыки сохранились после десятилетий отрицания значения собственности? В связи с этим, был задан нашим респондентам вопрос о готовности

ведения фермерского хозяйства или занятия предпринимательской деятельностью в сельском хозяйстве. Мы получили следующие результаты исследования, которые отражены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка респондентами готовности к ведению фермерского хозяйства или занятиям предпринимательской деятельностью

Ответ респондента	Доля, %
Полностью готов	13
Скорее готов	31
Скорее не готов	45
Полностью не готов	11

Результаты опроса показывают, что готовность и неготовность к фермерству определенным образом сочетаются между собой, хотя стародавних потенциалов аграрного производства, скорее всего, не хватает. Это связано, наверное, с тем, что существующие формы собственности и экономические условия в целом до последнего времени предоставляли мало шансов на полноценное занятие сельским хозяйством, не давая, таким образом, исконным землепашцам почувствовать себя настоящим «хозяином» на своей земле. В постсоветское время свою негативную роль сыграла нерациональная система налогообложения индивидуальных предпринимателей, которая не позволяла расширять производство. Но все же, на наш взгляд, имеется право закончить изложение на оптимистической ноте. Развитие названных в статье качеств и свойств индивидуальных и коллективных собственников усилит предпринимательские и нравственные потенциалы старообрядцев. С позиции сегодняшнего (и не только) дня на старообрядцев можно и нужно смотреть не как на носителей в чем-то забытых традиций, но, прежде всего, как на обладателей таких качеств, которые очень востребованы в рыночной экономике, в осуществлении социальных реформ, в восстановлении самобытных

форм хозяйствования и традиционной продукции. Именно в таком статусе их целесообразно подключать к решению названных в начале статьи острейших проблем Забайкалья и Дальнего Востока. Отсутствие подобной работы со старообрядцами, а так же забайкальскими казаками, аборигенами и иными старожилыми Сибири и Дальнего Востока заставит власти привлекать на их замену зарубежных соседей — китайских мигрантов.

Список использованной литературы

1. Андерсон Р., Шихирев П. «Акулы» и «дельфины» (Психология и этика российско-американского делового партнерства) / Р. Андерсон, П. Шихирев. — М. : Дело ЛТД, 1994. — 208 с.
2. Байкальские легенды и предания / фолькл. зап., предисл., коммент. Л. Е. Элиасова. — 2-е доп. и перераб. изд. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. — 256 с.
3. Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки / Ф. Ф. Болонев. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. — 224 с.
4. Бороноев А. О. Российский менталитет и реформы / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов // Общество и политика. — СПб. : СПбГУ, 2000. — С. 274-302.
5. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские / А. И. Герцен // Герцен А. И. Избранные труды ; [сост., автор вступ. ст., коммент. В. К. Кантор]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 431-468.
6. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30 годы / Д. Л. Доржиев. — Улан-Удэ : ОНЦ «Сибирь», 1993. — 82 с.
7. Карнышев А. Д. Экономическая психология старообрядчества как пример сочетания традиций и инновации / А. Д. Карнышев // Историко-экономические исследования. — 2010. — Т.11, №2. — С. 61-78.
8. Карнышев А. Д. Этнопсихология старообрядчества / А. Д. Карнышев, Н. Н. Помуран. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2006. — 167 с.
9. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 2 : Курс русской истории. Ч. 2 / В. О. Ключевский ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зимина. — М. : Мысль, 1988. — 447 с.

10. Коваль Т. Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство / Т. Б. Коваль. — М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2014. — 349 с.

11. Любимова Г. В. Картина мира современных старообрядцев / Г. В. Любимова // Славяне в сибирском сообществе / под ред. Ф. Ф. Болонева. — Новосибирск, 2006. — С. 51-83.

12. Накамура Ё. Романовка — поселок староверов в Маньчжурии / Ё. Накамура // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Наука, 1992. — С. 217-221.

13. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен ; изд. подгот. Г. А. Невелевым. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 480 с. — (Серия «Полярная звезда»).

14. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГТМ, 1999. — 540 с.

15. Щапов А. П. Избранное / А. П. Щапов ; сост., предисл., вводн. ст. А. С. Маджарова. — репринт. воспр. — Иркутск : Оттиск, 2001. — 363 с.

Информация об авторе

Карнышев Александр Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, декан факультета прикладной психологии, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: ale3441@yandex.ru.

Author

Karnyshev, Alexander Dmitrievich — D.Sc. in Psychology, Professor, Dean, Faculty of Applied Psychology, Irkutsk State University, 2 Chkalov Str., 664025, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ale3441@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Карнышев А. Д. Отношения собственности и соборности у старообрядцев: историко-экономический и этнопсихологический анализ (к 250-летию переселения «семейских» в Забайкалье) / А. Д. Карнышев // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 111-134. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(1).111-134.

Reference to article

Karnyshev A. D. The Old Believers' property and collegiality relationships: historical-economic and ethno-psychological analysis (to the 250th anniversary of resettlement of «semey-skikh» to Transbaikalia). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 111–134. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(1).111-134. (In Russian).